

Это ночью ему опять снились головы. Обритые женские головы, сваленные горой. Он сам никогда не видывал подобного зрелища. То есть, конечно, отрубленные головы врагов были ему привычны, но головы монахинь? А ведь они громоздятся по монастырям, где не осталось никого, кто мог бы похоронить их. Сколько монахинь обезглавлено по его приказу – две тысячи? Три? Двадцать? Ему докладывали, он не помнил. Тогда он сказал – чем искать в пруду одну мелкую рыбешку, не проще ли отравить воду? И стало по слову его. Кто бы посмел ослушаться владыку Поднебесной? Стоило заподозрить, что проклятая мятежница может скрываться в каком-нибудь женском монастыре – и это оказалось достаточным для массовых казней. Если она была там, то мертва, как и прочие. Но почему его мучает этот проклятый сон – груды голов, изжелта-бледная кожа, искаженные в смертной муке черты лиц – молодых и старых... а потом глаза одной из мертвых открываются, в них пляшет черный огонь, прожигаящий смотрящего. И она скалится в злорадной ухмылке. И остальные хохочут. Он просыпается, хрипя, от боли в сердце, и даже наяву слышит этот лающий, резкий смех.

Почему, почему он не может избавиться от этого сна? Почему вообще поиски одной ничтожной мятежницы оказались так важны? Бунт подавлен больше трех лет назад, и ничто не угрожает величию династии Мин. Его династии. Он – Сын Неба, властелин Поднебесной, победоносный полководец, и сейчас возвращается из очередного славного похода, покарав грязных варваров. Ибо еще никому не удалось скрыться от его карающей длани.

Ни одному, кроме... сколько бы он ни убеждал себя в обратном. Конечно же, сопьяк Юньвэнь сторел заживо, когда дворец пылал во вре-

мья уличных боев. Сгорел, и даже горстки костей от него не осталось. Именно потому у нынешнего императора не было полной уверенности в его смерти. Молодой император мог бежать, уплыть по сточным каналам, проползти змеей между рушащихся палат. А раз никто не видел мертвого тела, всегда будут ходить толки, будто он жив, жив, законный наследник первого императора династии Мин, а тот, кто нынче на Драконовом престоле – узурпатор.

Двадцать с лишком лет минуло со дня падения Южной столицы. И все эти годы государь разыскивал беглого племянника, ибо, не получив его головы, не чувствовал себя государем.

Тогда он казнил всех, кто уцелел во время пожара во дворце – слуг, служанок, евнухов. Четвертовал всех советников Чжу Юньвэня со всей их родней. Всем скопом их было больше, чем этих никчемных монахинь, и они никогда не являлись ему во снах. Он не был жесток, зрелище пролитой крови не доставляло ему удовольствия. Но правление надо было начинать с зачистки. И потом это был юг, проклятый юг, который он всегда ненавидел. Его вотчиной был север, и Северную столицу он сделал своей резиденцией, отстроив с невиданной доселе пышностью. Но когда четыре года назад, пусть и далеко от Нанкина, вспыхнул мятеж, император был уверен, что бунтовщики провозгласят бегло племянника своим вождем. Это было не так – бунт возглавила баба-еретичка из Белого лотоса. Императорские полководцы подавили бунт, пусть и ценой больших усилий, но проклятая еретичка и главные ее подельники утекли как вода сквозь пальцы, растворились как пар, исчезли... как Юньвэнь? Что, если они встретятся и объединятся?

Какая разница! Он – великий владыка, сын основателя династии, и сотни лет Поднебесная не видела такого блистательного царствования! Он навсегда переломил хребет монголам, и они больше не могут угрожать спокойствию империи. Он разгромил на море объединенный флот японских пиратов. Он присоединил к империи новые земли, а корабли его флотилий достигали невиданных прежде стран. Тысячи ученых по его приказу создавали всеобъемлющие труды по всем сферам знаний. Северная столица, Пекин, стала величайшим из городов мира, поражающим великолепием храмов и дворцов. Не зря его правление протекает под девизом Юнлэ – Вечная радость, и сам он именуется этим прозвищем.

А сердце ноет, и сон прошел как не бывало. Слишком светло, вот в чем дело, думает он. Свет мешает спать, хотя он приказал погасить светильники.

Император поднимается с ложа, идет по пушистым коврам, устилающим шатер. Слуги и телохранители, ночующие здесь же, в шатре, слышав движение, разумеется, проснулись, но помалкивают – не было приказа говорить.

Слишком светло, хотя стоит глубокая ночь. И не от лагерных костров – к этим огням император привык, и они скорее успокаивали. Это луна, луна. В степи она всегда кажется больше. А сейчас этот белый глаз катается по темному куполу, мертвое сияние его проникает сквозь завесы шатра.

Император Юнлэ опускает взгляд, смотрит на костры своих славных воинов, чтобы утешить сердцебиение. Там, у костров, почти все спят, только где-то вдали слышна старинная непристойная песенка про одного из южных владык, страдавшего от мужского бессилия.

У ихнего величества ужасная печаль.
Приличья не позволят её назвать, а жаль.
Наследника не видно, беда столицу ждет.
И чтоб хворобу излечить, даоса он зовет.
У нас же здесь раздолье гуй, так шутят небеса,
Мы знаем!
Зато сюда не сунется ни одна лиса.
Рыдаем!
Даос правителю сказал: не стоит горевать.
Лекарство от хворобы нетрудно отыскать.
Едва его ты примешь, проснется спящий змей,
И у тебя появится три дюжины детей.
У нас же здесь играют песнь и флейты и басы.
Прекрасно!
Но к югу от Янцзы нет ни одной лисы.
Ужасно.
Что ж это за лекарство? – был радостный вопрос.
А это лисья печень, отвечивал даос.
Ее откушай вволю, забудешь о беде.
Другого же лекарства не сыщешь ты нигде.
И бесы и драконы здесь только для красоты.
Досада!
Но к югу от Янцзы нет ни одной лисы.
Засада!
Великую награду правитель обещал.
Даос ушел на поиски и без вести пропал.
С тех пор пытались многие печенку отыскать,
Но как бы ни старались, все пользы не видать...

Обычно государя развлекала эта песня о незадачливом южном ване, он даже подпевал ее на марше. И ведь верно – все говорят, что на юге своя нечисть, в основном гуй, неупокоенные мертвецы, а лис там не видят.

Но сейчас мы на севере.

Лис на пути армии не видать, но они здесь в степи есть – император знает, охотился не раз. Они здесь мельче, чем те, что водятся в лесах, и со светлым мехом, и заметить их в степных травах очень трудно, настоящая задача для охотника. А сейчас они, наверное, подбираются к местам ночевки, ищут себе пропитания... внезапно до него доходит – это же лисы, лисы твякают там вдалеке, вот что показалось ему хохотом мертвых монахинь. Задача легко разрешилась, но почему-то это вызывает досаду. Император знает, что до утра уже не заснет, зовет секретаря.

– Какие известия по делам мятежников из Шаньдуна?

Евнух-секретарь не удивляется, что государь внезапно вспомнил о мятеже четырехлетней давности. Его величество – человек, мыслящий необычайно широко, здесь, в степи он строит планы новых морских экспедиций, и для этого вопроса тоже может быть основания. Секретарь шелестит бумажными свитками, щелкает дощечками для письма. Ему разрешили зажечь светильник, и его колеблющееся пламя прогоняет мертвенные лунные лучи.

– Есть отчеты их высокопревосходительств генералов Лю Шена и Линь Цзиня...

Император благосклонно кивает.

– Вот что писали генералы, объясняя причины падения городов Цзинань, Жичжоу и Дэчжоу провинции Шаньдун: «Гнусная Тан Сайер, попирая все законы, презрев нравственность и свершая бесчисленные преступления, именовала себя “Матушкой Буддой”, на деле же овладев искусством колдовства и призыва демонов. Не может быть иного объяснения тому, что ей удавалось обманывать невежественных простаков и причинять ущерб подданным императора. Известен случай, рядом с ней на поле боя появились десять тысяч демонов, хотя на самом деле то были ничтожные бумажные куклы...

– Достаточно. – Конечно, у генералов были свои советники, и те уж насоветовали, как их господам объяснить, почему заслуженные воины терпели поражения от грязных крестьян и рабов. Десять тысяч бумажных кукол, о небеса! – Есть ли доклад от Парчовой охраны?

– Я уже подготовил его для вашего величества...

Созданное императором сыскное ведомство не подвело. Они никакой чуши про демонов-кукол в качестве улики не предъявляли.

– Указанная преступница, – зачитывал евнух, и его визгливый голос странным образом успокаивал, ибо заглушал хохот из темной степи, или из тьмы сознания, – как показало расследование, родом из Шаньдуна, из семьи состоятельного крестьянина. С детских лет она обнаружила несвойственное для ее пола и сословия пристрастие к чтению буддийских писаний. Однако же не стремилась поступить в монастырь, а вышла замуж за человека по имени Линь Сан. Он же проявил редкостное недомыслие, позволив жене продолжать занятия чтением, и что гораздо хуже – проповедовать, забыв всякий женский стыд. Вокруг самозваной проповедницы стали собираться люди худшего толка – разбойники, нищие, беглые рабы, женщины срамного поведения. Когда их число достигло полутысячи, она Тан Сайер оставила дом и с толпой своих последователей отправилась бродяжничать по стране, везде сея смуту. В то время многие жители Шаньдуна были призваны на принудительные работы на великих стройках. Те из них, кто не желал постичь великих замыслов Сына Неба, бросали работу и бежали вслед за преступной проповедницей, в своей глупости почитая ее как воплощение Будды.

Неизвестно точно, когда она вошла в секту Белого лотоса – в родительском доме или уже после замужества, достоверно лишь, что она достигла в этой секте высокого статуса. Когда беззаконная толпа достигла Цзинжао, туда прибыли чиновники с новыми императорскими указами. Как это нередко бывает, среди невежественного простонародья указы вызвали недовольство, а чиновники принимались враждебно. Используя это, мятежники, и Тан Сайер среди них, обвинили чиновников во взяточничестве и вымогательстве, в том, что под предлогом государственной службы они разлучают мужей с женами, а родителей с детьми, и предались убийствам, объявив, что волею небес карают злодеев. Толпы людей потянулись к лже-Будде. Невозможно отрицать, что Белый лотос сделал все, чтоб одурачить их и переманить на сторону мятежников – иначе невозможно объяснить, каким образом преступница в краткое время оказалась во главе многотысячной армии. Все разговоры о том, что Тан Сайер владеет тайнами колдовства, разумеется, также распускались адептами Белого лотоса...

Секретарь продолжал читать, но государь уже не слушал его. Секта Белого лотоса! В Парчовой охране либо слишком смелы, либо слишком невежественны, если решились напомнить государю о секте. Ибо все, что здесь изложено, подозрительно напоминает начало истории государя

Гао-ди – с поправкой на то, что тот был женщиной. Многие соратники государя давно покинули этот мир, неважно каким образом. Никто теперь не вспоминает, что основатель династии был родом из семьи нищих крестьян, начинал свой путь как мятежник и захватил престол военной силой. Однако и говорить об этом – не преступление. Ибо Чжу Юаньчжан сверг и изгнал гнусных захватчиков, мерзких монголов, столетиями угнетавших Поднебесную. И лучше видеть на Драконовом троне сына ханьского крестьянина, чем потомка варварских владык.

Однако совсем иное – вспоминать о том, что Чжу Юаньчжан с младых лет состоял в секте Белого лотоса и секта эта приложила немало усилий, чтобы помочь бунтовщику взойти на престол, равно как тысячу лет назад секта Пяти доу риса помогла захватить власть злодею Цао Цао. Вот только помянутый злодей сохранил неизменным договор, заключенный с иерархами еретической секты. А Чжу Юаньчжан, став государем Гао-ди, законодательно запретил Белый лотос под страхом смерти. Ибо какой же правитель допустит в своем государстве существование учения, в основе которого утверждение: «Все люди равны, все – братья и сестры»?

Тысячи сторонников Белого лотоса погибли мучительной смертью, и те, кто говорил, будто раньше государь был одним из них – тоже.

Но Юнлэ знал. Ведь он родился в те годы, когда Чжу Юаньчжан еще сражался за власть, сектанты Белого лотоса были его соратниками и говорить об этом было незастенчиво.

Так что, может, и ошибался император, предполагая, что мятежники недавних лет хотели сделать своим знаменем беглого племянника. Все это – месть Белого лотоса, который за минувшие десятилетия вновь сумел расцвести. Мы, мол, как посадили вас, Чжу, на престол, так и свергнем! Но не на того напали. Пусть по недомыслию местных чиновников бунтовщикам и удалось достичь временных успехов, в итоге императорская армия собрала силы в кулак и разбила преступную шайку... вот только кулак был сжат недостаточно крепко, зачинщики вновь ускользнули... и кто знает, где и когда они явятся опять, напоминая, что государь – ненастоящий?

Он столько сил приложил, чтобы позабыть. Отец никогда не выказывал к нему особо теплых чувств, но он со всеми сыновьями вел себя так. И столь естественно было, когда три его старших сына умерли, назвать наследником Четвертого принца, единственного из принцев, кто успел показать себя как одаренный полководец? Чжу Ди, Яньский князь, к этому времени разбил чжурчжэней и монголов и был надежным стражем северо-западных рубежей империи. Но император завещал трон внуку – не блиставшему ни умом, ни дарованиями, слабому и нерешительному. Все его достоинства сводились к тому, что он был сыном покойного Первого принца и находился рядом с дедом в Южной столице, пока Чжу Ди сражался в степях и отстраивал Пекин.

Но какова же была истинная причина подобного выбора? Вполне вероятно, Гао-ди не хотел видеть наследником сильного соперника. Причина важная – но единственная ли?

Разумеется, Чжу Ди с детства знал, что является приемным сыном госпожи Ма, позже именуемой императрицей Сяо-ци. Родной матери он не помнил, да и не было нужды помнить, что она – наложница низкого ранга, и даже не из народа хань, всего лишь одна из тех корейнок, которая прежняя династия получала в качестве дани. Когда Гун-фэй наскучила господину, он перестал ее посещать, и неизвестно,

когда она умерла. А Чжу Ди был назван сыном главной жены, ибо госпожа Сяо-цзи, будучи женщиной разумной, понимала, что жен ценят за плодovitость.

И, конечно, хотя сыновья императрицы чаще всего – первые в порядке наследования, император вправе назвать наследником любого из своих признанных сыновей. Однако вздорный старик отдал предпочтение ничтожному Юньвэню, а когда Чжу Ди, после смерти Второго и Третьего принцев вздумал было заикнуться о праве наследования, государь зыркнул на него, как только он умел, и прошипел: «И думать не смей!»

Более ничего, но Яньский князь только в этот миг позволил себе вспомнить услышанное краем уха перешептывание прислужниц о том, что Гун-фэй прежде была наложницей одного из противников господина в его борьбе за власть. Хозяин Гун-фэй принял смерть в сражении, а сама она попала в плен уже будучи беременной.

Чжу Ди был тогда совсем мал и не вполне понимал смысл этих слов, но уже догадывался, что повторять этого нельзя – ни за что и никому.

Позже он осознал – Чжу Юаньчжан признал его своим законным сыном, потому что мятежнику нужны были сыновья-соратники. И вдобавок на ту пору здравствовали трое старших сыновей Чжу Юаньчжана. Но для государя Гао-ди невозможно было назвать наследником приемыша, какими бы блестящими дарованиями тот ни отличался.

Знали ли об этом мятежники? Сомнительно. Если б знали, использовали бы против него. Хотя... вряд ли это имело для них значение. Согласно доктрине Белого лотоса все равны – крестьяне и знать, мужчины и женщины, свободные и рабы. И какая разница, кто занимает трон – законный сын императора и императрицы или отродье предателя и чужеземной рабыни?

Какая разница... он сегодня уже произносил эти слова. Не значит ли это, что в душе он согласен с мятежниками?

Евнух давно уже перестал читать, он с тревогой смотрит на искаженное лицо императора. За пологом шатра светает, и солнечный свет изгоняет проклятую луну с горизонта. Лисы, следившие за лагерем, скрываются в степной траве.

Она тоже видит сны, но в них нет для нее ничего необычного. Это всплывающие со дна памяти картины прошлых лет.

Вот она стоит на утесе и смотрит, как внизу, в долине, множество людей роет огромный канал, тянущийся из бесконечности. Издали она не видит лиц, видит лишь, как порой изможденные землекопы, исхлестанные бичами, падают на землю. Одни поднимаются, других отгаскивают наверх на край котловины, чтоб не мешали работать. Вечером их закопают. Она вспоминает, как радовались родители изгнанию монголов. Больше народ не будут силой сгонять на прокладку каналов, дабы товары на кораблях доставлялись в Байду со всех концов Поднебесной. Не зря новый император дал своей династии имя, созвучное с именем будды грядущего!

Но прошло немного лет, с тех пор как Мин сменила Юань, а Байду стал называться Пекином, а людей принялись вновь сгонять на строительство и рытье каналов – и гораздо больше, чем прежде.

...Она стоит на залитой солнцем городской площади. За ней мрачные люди в крестьянской одежде. Они попросили уважаемую госпожу

Тан, столь начитанную в священных книгах, ходатайствовать за их дочерей. Новый окружной начальник оказался сластолюбив сверх всякой меры, по его приказу хватают и тащат к нему и юных девушек, и замужних женщин, что уж вовсе попирает все мылимые обычаи. Может быть, матушка Тан убедит господина отпустить несчастных?

Тот, кто вышел навстречу просителям, более всего похож на свинью в чиновничьей шапке. Точно так же толстомяс, точно так же лоснится от жира и пота, точно так же скалит желтые клыки. Но от свиней, по крайней мере, есть польза, думает она. И когда он хохочет в ответ на ее убеждения и просьбы родителей и мужей – она поднимает руку, и один бросок кинжала превращает кабана в борова. И пока боров визжит, обливаясь кровью и корчась от боли, крестьяне набрасываются на окружную охрану и разоружают ее.

Новая картина – она скачет во главе конного отряда на противника. Шуацзянь, парные клинки – в ее руках. Это оружие она получила в отрочестве от своих наставников в монастырской школе. Монастырь находился под рукой братьев и сестер Белого лотоса, и детей там учили не только чтению и письму. Боевыми техниками она овладевала с той же легкостью, что запоминала иероглифы. Еще тогда стали поговаривать, что она отмечена Ушэн Лаому, Нерожденной Праматерью. Но никто не считал это колдовством.

Да, мечи были ее собственные, а вот доспехи и ферганский конь были взяты в бою у имперского генерала. Почти все оружие и снаряжение у ее людей – трофейное, и сегодня они добудут еще больше мечей, копий и доспехов.

Тучи стрел летят над ее головой, и солдаты, которых уверили, что им придется сражаться с безоружными крестьянами, в страхе бегут.

Этот сон – прекраснейший из всех, и она хотела бы, чтоб он длился вечно, но, увы, это не так. Трусливых пехотинцев сменяет опытная тяжелая кавалерия, закаленная в боях с монголами.

Под императорские знамена в провинцию стягиваются все новые армии. Будь у противника солдат вдвое, да что там, впятеро больше, она бы справилась. Но их больше в двадцать раз.

И когда становится ясно, что надежды нет, она велит оставшимся повстанцам рассредоточиться и скрыться. Она прикроет отход.

Последнее видение – отступление.

Вместе с горсткой самых верных людей она уводит за собой императорские войска. Это ее родная провинция, она и ее товарищи знают местность, возможно, им удастся запутать противника. Но у того тоже есть проводники из местных, они указывают тайные тропы и убежища – кто за плату, кто из страха. И когда отступающие, израненные, изнуренные, валяются без сил на землю, сухую траву раздвигает острая лисья мордочка.

На этом месте она всегда просыпается. Потому что, кем бы ее ни считали – колдуньей или воплощением Будды, – она всегда была разумной женщиной. А то, что она видела после, разум отказывался принять. И если днем она придумывает для происходящего объяснения, ночью сознание ставит преграды.

Ночь меж тем миновала, свет пробивается в келью через окно, вырезанное в скальной стене. Все как прежде: фрески, повествующие о чудесах, каменные изваяния будд. Здесь их много, хоть и не так много, как в соседнем монастыре. Однако и там среди тысяч будд нет ни одного в женском воплощении. Зато есть другое, многое другое.

Она садится, бросает взгляд на спящего рядом мужчину. Тот продолжает безмятежно храпеть. За долгие годы она привыкла к этому храпу, и он не мешает спать. Линь Сан всегда доверял ей и всегда следовал за ней. Мечник он был никакой, зато стрелял отменно, и это много раз помогало в бою. Можно же за это простить человеку маленькие недостатки?

Набросив монашескую одежду – они все здесь носят такую, а как иначе? – она выходит на террасу. Молиться лучше на свежем воздухе и на свежую голову. Особенно когда перед тобой предстает такой вид.

За три с лишним года можно было бы и привыкнуть, но нет, каждый раз красота этого места потрясает, как впервые. Место, где небеса соединяются с преисподней. Гора Тайшань.

Будь на ее месте кто-либо более возвышенного склада, не преминул бы вспомнить бессмертные строки Ду Фу:

Великая горная цепь –
К острию остриё!
От Ци и до Лу
Зеленеет Тайшань на просторе.
Как будто природа
Собрала искусство свое,
Чтоб север и юг
Разделить здесь на сумрак и зори.

Шаньдун – сердце Поднебесной. Сколь славных имен связаны с этой провинцией – не перечислить. Кун-цзы и Чжуан-цзы, Сунь-цзы, Мо Ди и Чжугэ Лян – все родом отсюда, совпадение ли?

А Тайшань – самая священная из пяти святых гор Поднебесной – сердце Шаньдуна.

И храмы, и монастыри чтимых божеств здесь с незапамятных времен, и тысячи паломники приходят сюда на поклонение.

Когда Чжу Ди объявил ее в розыск, он верно предположил, что Тан Сайер, Матушка Будда, найдет приют в монастыре. Но его люди искали по монастырям удаленным, скрытым от людских глаз. Никому не пришло в голову, что она находится здесь, в центре паломничества.

И уж конечно, шаря по женским монастырям, они не подумали заглянуть в мужские.

На святой горе нашлось убежище для всех, кто пришел вместе с Тан Сайер, но здесь, в Храме Лазурного облака, поместили только ее с мужем. И только ей открыли правду о происходящем. Правду, в которую ей до сих пор трудно поверить.

Мальчик-служка появляется на террасе, кланяется.

– Чтимая наставница ждет госпожу для беседы.

Сайер без слов следует за ним. За годы, проведенные здесь, она, казалось бы, изучила все залы, всяческие площадки и переходы монастыря, но она не позволяет себе увериться в этом. Не каждый раз, но довольно часто проход, которым ее вели, оказывался неизвестным, и без проводника она бы заблудилась.

Наставница могла ждать на вершине горы, куда вели вырубленные в скале ступени, или в одном из залов, где глаза слепило пламя, отраженное в начищенной бронзе. Или в одном из множества подземелий. В этот раз встреча определенно была назначена в подземелье. Они спускались не по лестнице, но по пологому коридору, уводящему

вглубь горы. Сайер не видела во мраке, но в руках служки оказался светильник, освещавший дорогу. Тень служки, остромордая и остроухая, скользила по полу и по стене – к этому Сайер уже и вправду привыкла.

Много лет ее именовали наставницей, еще с тех пор, когда она была совсем молода. Но теперь она встретилась с той, кто знает и может неизмеримо больше, чем Матушка Будда из провинции Шаньдун. По крайней мере, Сайер так считает. Она видела наставницу в разных обликах. Чаще всего та показывалась скромной буддийской или даосской монахиней. Но иногда она могла явиться в образе принцессы западных стран, держащей в одной руке ивовую ветвь, а в другой книгу. Три служанки, сопровождающие ее, превосходили красотой небесных фей и земных императриц. Иногда, когда она встречала Сайер в пещерах, наставница была обнажена, тело ее – мощно и обильно, лоно способно выносить, а груди вскормить бесчисленное множество детей, и львы и барсы окружали ее. Бывало, что наставница являлась и вовсе не в человеческом облики.

Но сегодня, в подземной палате, где горят светильники, Сайер видит наставницу в облике не столь устрашающем. Хотя многих из жителей Поднебесной он поразил бы больше, чем образ зверообразный. На госпоже – кафтан и шапка чиновника, и сидит она за столом, где сложены высокими стопками книги и свитки. Это неудивительно. Ведь госпожа – глава Седьмой палаты преисподней, куда ведет прямой проход с горы Тайшань. В ее обязанности входит решать судьбы усопших – вернуть ли их в колесо перерождений, вознести на небо или ввергнуть в ад. Это лишь часть ее обязанностей, но она совершенно необходима.

Тан Сайер складывает руки и кланяется Шэн Му, госпоже горы, именуемой также Дуньюэ Тайшань тяньсянь юйнюй бися, или Сунцзы нянян – и это лишь немногие из ее имен. Ибо госпожа – не только глава Седьмой палаты и вершительница судеб, она еще повелительница лис и многое, многое другое. Потому что когда говорят, что гора Тайшань – обитель богов, это следует понимать буквально.

– Ничтожная Тан Сайер приветствует почтенную наставницу.

Обычно госпожа отвечает: «Хорошо, хорошо, подними голову». Но сегодня она говорит:

– Нынче я получила ответ на твое прошение. Господин Пятой Палаты сообщает, что срок исполнился.

На какой-то миг в смиренной монахини, какой выглядит Тан Сайер, проглядывает предводительница мятежников.

– Когда? – забыв об этикете, спрашивает она.

После того как лисы привели Тан Сайер на священную гору и она поняла, среди кого оказалась, воззвала к помощи богов. На что ей было сказано, что коль скоро она не сумела убить своего врага собственноручно, то должна действовать по установленным законам. Ей следует подать прошение от имени жителей Шаньдуна, перечислив все несправедливые поступки Чжу Ди, и прошение это, пройдя все надлежащие инстанции, дойдет до Янь-вана, главы Пятой палаты, Владыки смерти. Поскольку ни одно живое существо не может умереть без его ведома и согласия.

С тех пор прошло три года. Для бессмертных – срок, равный доле мгновения, для нее – почти вечность.

– Если ты сумеешь использовать свои прежние силы, то сумеешь убить Чжу Ди нынче ночью. Если нет – срок его жизни продлится еще на двадцать лет.

– Но почему? – дурно сердиться в присутствии той, кто настолько выше тебя. Но брови Тан Сайер все равно хмуро сдвигаются к переносице. – Разве Чжу Ди – не преступник по любым меркам?

– Чжу Ди – великий государь, и таким запомнят его в веках. Его деяния...

– Достигаются потом и кровью народа! Все его храмы и дворцы, крепости и каналы стоят на костях тысяч и тысяч загубленных людей!

– Ибо таков обычай всех великих государей. Только так земные владыки достигают величия, только страданиями своих подданных. А преступники? Ты слышала об императрице Люй, злодеяния которой больше тысячи лет потрясают воображение смертных?

– Разумеется. «Исторические записки» входят в число книг, которые должно прочесть каждому, кто хочет приобщиться к учености.

– И что говорит величайший из историков об итогах правления этой злодейки?

Тан Сайер прикрыла глаза, вспоминая.

– «Простой народ смог избавиться от тягот... Поднебесная была спокойна. Наказания всякого рода применялись редко, преступников было мало. Народ усердно занимался земледелием, одежды и еды было вдоволь».

– Вот видишь? Императрица творила свои жестокости в дворцовых покоях, а народ жил хорошо. И тем не менее она – злодейка в глазах людей. А Чжу Ди – великий государь, и равных ему не будет в династии Мин.

– Но Янь-ван счел его преступником!

– Верно. Однако Чжу Ди виновен перед богами, не перед людьми. – Голос госпожи звучит гулкой медью. – Со времен Первого императора, объединившего все царства в единую Поднебесную, Сын Неба приносил жертвы Небу здесь, на горе Тайшань! Но Чжу Ди презрел этот обычай, построив Храм Неба в Северной столице. Теперь обряд совершается там. Император по-прежнему приносит жертву Небу, но божества горы Тайшань оскорблены и требуют наказания. – Тон ее смягчается. Но в спорах между богами только боги могут выносить решения, и только боги – их исполнять. Когда-то Юй-ди, Нефритовый император, препоручил разрешить вражду между Лунной Владычицей и Небесным Волком министерству Пяти священных пиков, где первенствует гора Тайшань. И ничего с тех пор не изменилось, не правда ли, Чанси?

Сайер молчит. Если она ответит утвердительно, то это будет означать, что она стоит не ниже наставницы и обладает теми же способностями, что и госпожа. И ей трудно представить, что будет, если она ответит отрицательно.

– Ты ничего не помнишь, и это правильно. Вас обоих сослали на землю и лишили памяти, иначе ваша вражда сожгла бы вселенную. Как в древности, когда Небесный Волк повелел десяти солнцам сжечь землю, а госпожа Луны, Чанси, с помощью меткого стрелка И уничтожила девять из них. Конечно, ты не помнишь. И никто не помнит. Я говорила тебе об избирательности людской памяти. Они знают лишь Чанъэ, вероломную жену стрелка И, обратившуюся жабой, что вечно толчет в лунном дворце снадобье бессмертия. «О краже чудесного снадобья зачем горевала Чанъэ? Лазурное море, синее небо и думы каждую ночь». Но Чанси не вернулась в свой лунный дворец, ведь она может вознестись туда лишь когда окончательно победит Тяньлана.

– А как же стрелок И?

– Он тоже ничего не помнит. С него достаточно того, что люди поклоняются ему, как домашнему божку, охраняющему от гуй. И того, что в своем человеческом воплощении он по-прежнему метко стреляет, не так ли? Но речь ведь не о нем.

– Что будет, если Госпожа Луны победит Небесного Волка?

– Он умрет в человеческом облики. Но умрет и земное обличье Чанси. До того, чтоб возродиться и вновь сразиться в следующих жизнях. Может быть, не в этом веке, не в этой стране; где-нибудь среди варваров, где слыхом не слыхали о горе Тайшань и повелениях Нефритового Императора, а Небесного Волка именуют «собачьей звездой». Помни: эта ночь – решающая. Доктрина Белого лотоса – благородна, но это лишь верование людей, а люди – всего только люди. Может быть, через два-три столетия братья и сестры Белого лотоса будут сражаться за династию Мин против новых узурпаторов, и не говори мне, что это невозможно. Не Белый лотос должен вести тебя, но другой цветок, из стали выкованный. Знаменья благоприятны. Есть проницательная женщина. Она пойдет на север. Не надо бояться, не надо страшиться. Будет великая удача.

– Да будет так, – говорит Тан Сайер.

– Вэнь Юаньшуай, огласи указ, – приказывает госпожа.

Из стены появляется глава служебных духов горы во всем своем устрашающем облике. С лицом серым, как пепел, волосами алыми, как пламя, и телом синим, как лазурь. На левой руке его драгоценный браслет, дающий право свободного входа на небеса, в правой – железная булава.

– Оглашаю! Решением Янь-вана, Владыки смерти и с дозволения Юй-ди, в летнее полнолуние смертной Тан Сайер на одну ночь будет возвращена ее божественная сила. Если она сумеет сразить земного правителя, именующего себя Юнлэ, смертный Чжу Ди перейдет в ведение Пятой управы.

Женщина кланяется, сложив руки.

– Подданная Тан Сайер принимает указ.

Когда она выпрямляется, лицо ее совсем иное, чем было прежде. Нет, черты те же, но они отмечены печатью холода и непреклонности.

– Так, так, – довольно произносит госпожа горы. – Дянь Му поможет тебе.

Из сумрака выступает еще одна женщина. В руках она держит два металлических зеркала.

Во время мятежа имперские генералы объясняли свои поражения не только тем, что Тан Сайер способна создавать воинов из бумажных фигурок, но тем, что проклятая ведьма взывает к Дянь Му, хозяйке зеркал Ян и Инь. Кто мог угадать, что однажды это окажется правдой?

Госпожа Молний склоняется перед Лунной Княгиней.

На другой день его величество был бодр и дневной переход проделал в седле, как в прежние времена. А когда встали на ночевку, провел долгое совещание со своими командирами, обсуждая новый поход. Ибо нынешний, если честно признаться, был не так успешен, как считалось. Да, империя Юань пала, монголы изгнаны из Поднебесной, но на своей родной земле они по-прежнему сильны... Однако вся кипучая деятельность на самом деле подпитывалась нежеланием его величества ложиться спать.

Но ему было шестьдесят пять лет, и здоровье его было так же не блестяще, как итоги похода. К наступлению ночи император так устал, что едва добрался до постели, и заснул, не прибегая к снадобьям придворного лекаря. И это хорошо, думал он, по крайней мере он не увидит нынче проклятую луну.

Он ошибся.

Сон пришел, и луна была прямо в нем – еще более огромная и яркая, чем та, что висела за пологом шатра. И она все увеличивалась и увеличивалась... Потому что император летел ей навстречу. Но полно, был ли он в этом сне императором? Он сбросил плоть, у которой ломило суставы, кружилась голова и случалось несварение желудка, как сбрасывают поношенный халат. Нет, он не помолодел. Он был гораздо сильнее, чем был в молодости.

Когда луна из белого шара превращается в безлюдное пространство, чем-то напоминающее пустыню Гоби, которую недавно миновало его войско, император замечает, что человеческий облик он тоже утратил. Это не страшно. Если он нечеловечески силен, то зачем нужен человеческий облик? Он бежит, взметая лапами белый песок, и белая его шерсть отликает во мраке тусклым звездным светом. Все, что мучило его в прежних снах, бесследно исчезло, осталась ярость и азарт. Он не знает, что ждет впереди, но это хорошо и правильно.

Когда перед ним вырастает огромная стена, он перелетает ее так же легко, как перелетали стрелы его воинов стены дворца в Южной столице. За стеной тоже дворец, но он ничуть не напоминает тот, где пропал – сгорел? сбежал? – племянник. Чем-то он напоминает закрытый город в его собственной Северной столице – но таким, каким мог бы представить дворец владыки Поднебесной художник, обкурившийся дурной травой.

На ступенях дворца стоит женщина в кожаных доспехах поверх белого платья и в серебряном венце.

Небесный Волк на мгновение замедляется свой бег, его алмазные когти скребут плиты двора, рычание, подобное грому, вырывается из глотки.

В руках женщины распускается цветок лотоса, но это странный лотос, как и все здесь – странное. Впрочем, это не останавливает волка. Он отталкивается и прыгает, готовясь разорвать горло женщины.

Лотос в ее руках распадается на два клинка. Будь Тяньлан обычным зверем, тут бы ему и конец пришел. Но чтобы сразить Небесного Волка, удара меча, даже двух мечей – недостаточно. Однако и он понимает, что быстро покончить с противницей не удастся.

Сражение длится, и никто не имеет в нем перевеса. В этом безлюдном мире, среди безумных построек, тела приобретают необычайную легкость, и при той силе, какой обладают бойцы, они, не рассчитав движения, могут улететь далеко от противника, взметнуться на уровень крыши, совершить невероятный кульбит. Это и происходит, и напоминало бы диковинный танец, но танец сей несет в себе смерть. Стальные клинки уже не раз сталкивались с телом Волка, но, скользя по шерсти из звездного света, не причиняли ему вреда. Женщина же, несмотря на всю быстроту ее выпадов и силу ударов, оставалась обычной женщиной, обладавший обычным оружием. А это значило – стоит ей выдохнуться, как алмазные когти распоросуют доспех, и плоть будет разорвана в клочья. Волк пригибается, готовясь к новому прыжку. В это миг в черном небе над головой женщины показываются два зеркала,

они отражаются друг в друге, и отражение это рождает две молнии, и каждая из них устремляется к мечам женщины, становясь продолжением клинка. Она соединяет мечи воедино, и уже единая молния бьет между глазами Небесного Волка.

От крика его величества просыпаются все слуги и охранники в шатре. Когда лекарю удастся протолкнуться сквозь них, император уже не кричит, а хрипит. Лицо его перекошено, с губ капает слюна. Лекарь споро вынимает из сумки серебряные иглы. Он опытен и будет делать свое дело, даже если видит, что надежды уже нет.

Пока лекарь ставит иглы, отдав указания ученику, какие лекарства подать, его величество шевелит губами, силясь что-то произнести. Евнух-секретарь склоняется к самому лицу императора, стараясь расслышать, что говорит повелитель. Среди сипения, хрипа и бульканья он разбирает только два слова «убить» и «женщина». Евнух кивает. Он уверен, что верно понял приказ.

Той же ночью его величество скончался. Тело его было доставлено в Северную столицу и похоронено в гробнице Чанлин. Храмовое имя нарекли усопшему – Чэн-цзу, посмертное – Вэнь-хуанди. На его погребении, согласно переданной секретарем предсмертной воле, было принесено в жертву тридцать наложниц императора – но кто помнит о таких мелочах, когда речь идет о великих правителях.

Когда и где умерла Тан Сайер и умерла ли она – никому не известно.

Примечания автора: представление о том, что Тан Сайер и Чжу Ди – инкарнации Лунной богини и Небесного Волка, духа звезды Тяньлан (Сириус), возникло в эпоху Цин и нашло отражение в романе Лю Сюня «Неофициальное жизнеописание бессмертной», мотивы которого использованы в рассказе.

Цитируются: «Взирая на священную вершину» Ду Фу, «Исторические записки» Сыма Цяня, стихотворение Ли Шаньсиня «Чанъэ» и собственно миф о Чанъэ с наибольшим изменением (в исходнике – «Она пойдет на запад»).